

Николай Цуканов

Жертва Парижа

*Кировоград
2015*

*При создании обложки
использована работа художника А.Репки
«Девчата. Однажды в Киеве», 1992.*

Шура вышел в огромный холл, зло хлопнув огромной массивной дверью, где толпилось с десятков претендентов на вступление в члены Союза художников. Его сразу же обступили незнакомые доселе люди и со всех сторон посыпались вопросы: «Ну, как? Ну, что? Ну, приняли?» Но Шура, не замечая никого, устало бросил: «Этот Союз — давно всего лишь закрытая тусовка, пропуск в которую дают снова-таки «свои».

«И только своим! — уже про себя продолжил свою обличительную речь Шура. — Узкий круг надувших щеки барандуков (сам того не желая, он скрестил баранов и бурндуков) заинтересованных, прежде всего, в сохранении только им понятных направлений в искусстве».

Но Шура — это не они! Талант не «подстраивается» под чьи-то вкусы. А Решка, само собой разумеется, — это талант!

«А этот как его? — Шура поморщил лоб, пытаясь вспомнить неизвестную ему фамилию. — Этот козел с тоненькой бородкой и косичкой на голове, который меня тихо так, чтобы другие члены комиссии не слышали, спросил: юноша, как художник художника: вы рисовать умеете? Тоже мне Жванецкий!»

«Море в сушу, четырехфазного тока, короткого замыкания!» — вычурно выругался он.

«Что они в живописи понимают!? — этот взрыв эмоций уже был направлен «коллегам», толпившимся в холле. — Цветочки-бабочки и дурак напишет. А вы вот так попробуйте!»

Шура «случайно» повернул подрамник с холстом в сторону публики. Та, расслабленная ожиданием и обсуждением «иззадверных» новостей тихо ахнула, а рядом стоящий

высокий, как жердь, мужчина перекрестился. Воцарилась тишина.

«Ну, что, обомлели? Завидуете? Вот так вот! Так умею, только я – Шура Решка!»

«Жалеть будут, просить будут: вступите к нам, ну вступите, – это уже относилось к консерваторам из предыдущей комнаты. – Вот вам!» Он повернулся к двери и ткнул в сторону невидимых оппонентов комбинацию из трёх пальцев.

– Пермэтэ-муа дэ мё гэтэгэ! («разрешите удалиться»).
Орэвуар!

Он гордо прошествовал мимо художников, так и не поняв, что вызвало их удивление и восхищение: представленный «шедевр» или утонченное знание французского.

XXXX

Николай не был влюблен в столицу и приезжал сюда больше из надобности, чем от желания увидеть огни большого города. Ему, человеку, прожившему всю свою жизнь в провинциальных городках, всегда было тесно именно в столице. Тесно от неизвестно куда бегущей толпы людей, тесно от шума машин и сдавливающего весь организм столичного воздуха. И попадая в этот людской муравейник, он категорически не желал жить их ритмом, бегать и крутиться как волчок. Ему хотелось, как можно быстрее убежать из столицы с ее 30-этажными кирпично-бетонными коробками, глядящими окно в окно.

И все же, несмотря на неприятие многого, чем гордится столичный абориген и заповивший столицу провинциал, он находил для себя здесь небольшую отдушину. Этой отдушиной были столичные музеи и выставочные залы. Здесь он мог часами бродить тихими залами и наслаждаться полотнами художников 18-20 столетия, в метре от себя видеть творения художников

с мировым именем. Эти полотна поражали его воображение, втягивали в раздумья. Именно здесь он питался энергией, заряжался позитивом.

Но было еще одно, менее значимое в масштабах города, место, куда он любил время от времени возвращаться. Это была закрытого типа галерея живописи, расположенная в полуподвале высотного дома. По узким подвальным лабиринтам можно было ходить часами, натываясь на полотна как именитых, так и известных только его владельцу мастеров.

Галерея была детищем его столичного друга Афанасия, человека с непростым характером, с прикрытой душой, но при этом влюбленным во все красивое.

Николай часто вспоминал последнюю их встречу. Тогда на улице моросил легкий осенний дождь. Не успев еще скинуть промокшую куртку, он с порога был атакован эмоциональным возгласом хозяина необычного заведения:

– Николайчик, пошли что-то интересненькое покажу!

Они двинулись по лабиринтам. С обеих сторон стены были уставлены картинами.

Николай попытался было взять одну из них, что бы лучше разглядеть, но хозяин потянул дальше:

– Потом, потом! Всё – потом! Вначале сюрприз.

Они остановились перед небольшой дверью. Афанасий торжественно, с каким-то особым трепетом, открыл ее. То, что предстало взору Николая, никак не относилось к искусству. В открывшемся помещении, куда смог достать взгляд, на специальных подставках лежали бутылки с вином.

– Ого, – вырвалось у Николая. – Целый склад!

– А ты, Николайчик, почитай названия, слюнки потекут.

– Но я далеко не дегустатор и даже не сомелье, – засмеялся Николай.

– Ага, ты еще скажи, что ты не энолог?

– Чего, чего? Какой энолог?

– Да не энолог, а именно энолог, специалист по технологии изготовления вин.

– Ну, так что, пару названий сказать для полной картинки, – продолжал изголяться Афанасий.

– Нет, нет, – стал отнекиваться Николай. – Для меня все вино разливается из одной бочки и производится на заводе «Шабо». А все мои винные познания соединены одной фразой: наливай и пей!

Афанасий разочаровано махнул рукой.

– Пропащий ты человек, Николай. Придется пить без легенды. А пить без легенды то же самое, что смотреть телевизор без звука.

Он перебрал несколько бутылок, затем остановившись на одной, стер с нее только ему видимую вековую пыль и, глядя на этикетку, заговорил уважительно и торжественно:

– Concha у Toro. Флагман чилийского виноделия. Компания из долины Майпо владеет несколькими заводами и экспортирует свою продукцию в более чем сто стран мира. Площадь виноградников...

Но Николай не дал ему договорить.

– Афанасий! Я знал, что ты специалист во многих отраслях – теннис, музыка, живопись, фотография, китайский чай, наконец, но то, что ты еще и винный профессионал, для меня открытие.

– Не-е-е, – протянул винофил. – Чукча не профессионал, чукча – любитель. Любитель выпить хорошего вина. Пошли, пошляк, угощу.

Они сели за маленький стол, Афанасий откупорил бутылку, плеснул в бокал, покрутил в руке, принюхался и пригубил жидкость. Прищурив глаза, со вкусом произнес:

– Точно: Конча, 2001 год.

Николай, проделав ту же операцию, медленно добавил:

– Ага, точно – Конча. Заспа. 2014.

Афанасий засмеялся.

– Ладно, тебя не исправить, давай допивай и пошли смотреть коллекцию, чем разбогател твой друг, пока мы не делись.

Он показывал одну картину за другой и восхищенно убеждал, что это шедевр. И второй такой точно не существует!

Затем, достав несколько ярких полотен, он загадочно помолчал и торжественно произнес:

– Открытие и новое имя в мире живописи – Андрей Чемодура. Посмотри, какие краски, какая техника, какой мазок. Этот, младшенький, себя покажет. – И увидев удивление на лице Николая, добавил: – А у них вся семья маляры, в смысле художники, и мать с отцом, и братишка старшой. Андрюха действительно меньшей, но очень талантлив. Со временем я его тебе подкину, ну, в смысле выставку в твоей галерее забабхаем. Народ ахнет.

– Кстати о выставках, – обратился к нему Николай. – Ты б не мог мне сейчас талантливого художника подбросить? Порекомендовать интересного и колоритного?

Афанасий на минуту задумался:

– А что, пожалуй, этот будет в самый раз. Слышал о таком – Шуре Решке? Нет!? Ну, ты, галерист, даешь. Непростительно тебе! Клода Моне знаешь, а Решку нет? Я когда его в первый раз выставил в столице, то народ так валил, так валил! Я его картины словно хлеб в булочной продавал. Деньги-товар-деньги! Такой успех. Конечно, не обошлось без рекламки соответствующей, промоушена. Но потом пошло. Знакомые, друзья, как повалили. И мне, и мне!!! А я только по одной в руки!

Талантище и неповторимость. Правда..., – Афанасий помедлил, а затем добавил: – Не каждому дано его творчество распознать. Но тут уже требуется высший пилотаж.

– А это, что его фамилия такая Решка или псевдоним творческий?

– Решка потому и решка, что еще и орел есть. Фамилия самая настоящая. А кличку я ему, знаешь, какую дал? Француз! Он в свое время, в 90-х, такой фурор у французов произвел, что, как говорил Владимир Семенович, кругом все плакали навзрыд. И заметь – у самом, у Париже! Сейчас найду тебе его самый яркий шедевр, который могу, как ценителю творчества Решки, совсем по мизерной цене продать.

Николай, понял, что Афанасия понесло. Но в такие минуты друга лучше было не перебивать. В такую минуту он был глухарем на току: пока не допоеет свою песню, все равно ничего не услышит.

Вскоре где-то из загашника на свет появилась небольшая картина, на которой были изображены две дурашливого вида девушки. Обе уставились на выставленный средний палец одной из них.

– Вот! Вот в чем ценность картины. Пальчик. Дорогой пальчик! Ты посмотри, какой эксклюзив. Никто не додумался, а Решка взял вот и выдал. Бери, не задорого отдаю. Для друга и орла не жалко, не то что решки. – Он снова засмеялся. – Короче, вот телефончик его. Позвонишь, скажешь от Афанасия. Он никуда не денется, приедет, привезет лучшее из своих работ и ваши провинциалки зарыдают не хуже француженок.

– Только есть одно маленькое «но». И оно, – в рифму выдал Афанасий, – заключается в тончайшей и ранимой душе художника. Не каждый ее поймет. А я вот

здесь, за этим столиком, под бокал французского вина выслушал столько его историй любви, что... – Афанасий на мгновение замолчал, а потом добавил: – С меня хватит!

Николай так и не понял в тот момент его слов «с меня хватит». То ли это имело отношение к сумме, которую запросил Афанасий за картину, то ли к количеству выпитого вина. И только много позже, после проведенной выставки, эта фраза стала Николаю до конца понятна.

XXXX

Николай приехал с хорошим настроением в галерею. Еще бы: заполучить художника такого уровня было его давней мечтой. Он собрал свой маленький коллектив, сел в огромное кресло и загадочно произнес.

– Ну, кажется, лед тронулся, господа галеристы-музейщики. Скоро поток поклонников нашей галереи превысит количество проживающих в нашем городе. Да, да. Я убежден.

Сидевший напротив шефа коротко подстриженный, слегка полноватый Виталий Сергеевич заметно занервничал:

– А откуда народ прибывать станет? И, самое главное, с какого числа? Мне еще билеты для них проштамповать нужно.

– Откуда? – переспросил владелец галереи. – А близлежащие села и города зачем? И поедут, и приедут! Поездом, автомобилем, на велосипедах, пешком...

Тут он понял, что хватил лишку.

– Да ладно, это я так слегка пошутил. Три процента, ну, может, четыре, не больше.

– Чего четыре? – не понял Виталий Сергеевич.

– Те, кто интересуется искусством в нашей стране. Их

всего четыре процента. Остальным на искусство, мягко говоря и грубо выражаясь, наплевать. Но об этом потом! Короче, был я у друга нашей галереи Афанасия. Он сделал такое предложение, от которого я не смог отказаться. Вот смотрите.

Николай распаковал завернутую в бумагу картину и представил ее на суд небольшого зрительского жюри.

– Ну, как? Обомлели? Честно!

– Ага-а-а! Вот так и я, вначале не очень как-то обрадовался этим пальчикам с девочками. Но после рассказа Афанасия о том, что на нее было покушений больше, чем на Мону Лизу, я понял – это то, что надо. Правда, покушался на нее сам художник, желающий закрасить этот самый пальчик. Но это совсем другая история.

– Итак, друзья, к нам едет сам Шура Решка. Я, честно говоря, его никогда не видел и о его творчестве только от того же Афанасия узнал, но наш друг плохого не посоветует. Так что начинаем работать! Часть картин он привезет сам поездом, часть – отправит почтой. Я уже сним обо всем договорился. Выставку назовем интригующе – «Выставка работ непревзойденного художника современности Александра Решки «Тайны Парижа», ну, или, на крайняк, «Парижские тайны».

– Да, я самое главное забыл сказать: наш маэстро учился определенное время в Париже. И даже удостоился персональной выставки. Так что – за работу! И обращаясь к обоим сидящим сотрудникам, произнес – Учите языки молодежь. В нашей галерее должна звучать английская, китайская и, в конце концов, французская речь. Классические «жэ не манж па сис жур» не проходит. Учите что-нибудь посерьезней! С сегодняшнего дня мы выходим на мировую арену, в смысле – галерея.

Когда пришли первые картины настроение у инициатора выхода на мировую арену заметно ухудшилось. Он ходил по залам, стиснув зубы, чтоб не заматериться. Он не знал каким словом можно назвать то, что предстало перед его взором. Сотрудники, опустив головы, настороженно молчали. Они не могли спрогнозировать, что в этот момент можно ожидать от шефа. Н-да, «Тайны Парижа».

– Был бы я искусствоведом, мне бы легче было разгадать замыслы автора, – наконец изрек он. – Такого еще у нас не было. Женщина с аккордеоном, если ее таковой можно назвать, мужики с барабаном и контрабасом. Загадки, загадки. А этот человек в черном пиджаке и в таком же котелке? Кто они все? – И сам себя передразнил: – «Кто, кто – Решка в пальто!» Ерунда какая-то! Как это людям нашим, заметьте – не французским, показывать можно? – Он хотел было набрать номер Афанасия и «искренне» поблагодарить за возможность так глубоко окунуться в творчество данного мастера, но передумал: – Ну что, Репин со своей картиной отдыхает? Ну, с той, что «Приплыли!» Деваться-то некуда.

Тут голос подала Полина, представитель молодежной части коллектива. Она робко поправила очки:

– А что, мне начинает нравиться. Лица какие-то странные, не то...

Она не договорила, так как шеф ее перебил:

– Вижу, сам вижу, только не то, а именно «то»! Дурацкие и дебильные лица у всех персонажей.

– А может нашей публике и понравится, чем она хуже французской? – переспросил Виталий Сергеевич.

– Во-во, и Афанасий предупреждал, что наши женщины рыдать будут не хуже француженок. Ладно, будь что будет! Будем ходить по галерее и убеждать всех, что это прорыв в мировом искусстве. Тот же Сальвадор Дали и не такое творил. Главное – не рассмеяться и делать умный вид!

Николай шел по перрону за медленно двигающимся поездом. Он смотрел на окна, всматривался в таблички с номерами вагона. Встречающих на перроне практически не было, как и не было спящих от поезда к поезду бабушек, подменяющих ресторанный сервис.

Наконец поезд остановился, и Николай направился к шестому вагону. Он внимательно рассматривал лица выходящих пассажиров. Первой выпорхнула молоденькая девушка с пакетом в руке, за ней вышла мамочка с двумя ребятами лет по 10. И, наконец, в проеме двери появился тот, кто скорее всего ему был и нужен. Худой среднего роста мужчина с небольшой бородкой огляделся по сторонам и, увидев Николая, обрадованно вскрикнул: – Милейший, не смогли бы вы помочь мне с чемоданом?

Николай поспешил навстречу. Как же он забыл, что художник везет с собой часть картин. Он подбежал к открытой двери и вытащил из вагона чемодан. Мужчина неспеша спустился на перрон, огляделся по сторонам и снова, обращаясь к Николаю, произнес:

– Мне к выходу. Я заплачу.

– Что Вы, что Вы, я помогу, – отозвался Николай. – Я для этого тут Вас и ожидаю.

Он схватил чемодан и поволок его к своему стоящему на стоянке автомобилю. Шел и думал: «Какая все же сильная европейская школа. Знает, что его встречают, и культурно так говорит – милейший, я вас отблагодарю, вернее – заплачу. Французская школа, не то, что мы – папуасы!»

Тут он услышал радостный голос владельца чемодана: – Мари, дорогая, как я рад.

Николай обернулся и увидел, что художник обнимает какую-то молодую девушку.

«Вот это новость для меня, – подумал, – хотя какая новость. Афанасий же что-то говорил о многочисленных любовных историях. Но что бы вот так сразу? Мари! Ох уж эти французы, из любой Маруси Мари сделают!»

В этот момент к нему подошел его новый знакомый.

– Ну что ж, милейший, спасибо. Сколько я Вам должен?

Николая это начинало злить. Так унижить его в присутствии молодой девицы. Он вспыхнул:

– Какие деньги, Шура? Я Вас встречаю!

– Мы знакомы? – удивился мужчина. – Если да, то почему Шура? Меня зовут Александр Сергеевич.

«Шура-Саша-Александр, ты меня начинаешь доставать!» – начинал заводиться Николай.

А мужчина продолжал:

– Но мы не можем быть знакомы! Я впервые в этом городе. Вот моя дочь, вышла замуж и переехала сюда жить, а я к ней в гости.

Только теперь до Николая стал доходить смысл сказанного.

– Так Вы не Решка? Вы не художник?

– Ну, то, что я не Решка – это точно, а вот на счет художника еще можно поспорить. Каждый мужчина в своем роде художник. Иногда такое...

Но Николай, не дослушав его, бежал снова к шестому вагону. На перроне стоял неприглядного вида мужик с взъерошенными волосами, на которых тут и там виднелись небольшие белые перья. Он растерянно оглядывался по сторонам. Подбежав к нему, Николай сходу выпалил: – Мужик, ты тут художника не видел, ну, с картинами?!

– Чего ж вы опаздываете?! – набросился на него стоящий мужик. – Решка этого не любит.

– Так это Вы? – перешел на вы Николай. – Да, я тут...

Он хотел объяснить, но тут перевел взгляд на брюки и рубашку художника. Только сейчас он заметил, что они были разукрашены различными пятнами краски – вся палитра цветов. Из оцепенения его вывел крик новоиспеченного друга:

– Паспорт, где мой паспорт?! Я его, кажется, потерял.

И он снова ринулся в вагон. Минут через пять он вышел, держа в руках синюю книжицу.

– Слава богу, нашел. Под стол упал. Я его вчера, чтобы не украли, на третью полку спрятал. Билет без паспорта ведь не действителен. А потом забыл за него. Вещи доставал – вот он и потерялся.

– Ну, слава богу, нашел. А вещи, картины ваши где, милейший? – с издевкой спросил Николай. Художник ткнул пальцем в сторону столба. И только тогда Николай заметил стопку подрамников, перетянутых бечевкой, и рюкзак.

Они сели в машину. Николай никак не мог успокоиться от встречи с бородатым. Ну как так лохонуться можно было. «Милейший, я вам заплачу». Хорошо хоть журналисты не видели момента, когда он тащил чемодан по перрону. Он представил газеты, выходящие с заголовком: «Галерист-носильщик». А ниже текст: «Кризис сильно ударил по культуре. Известный галерист открыл себя в новом качестве. Теперь, в свободное от выставок и презентаций время, его можно увидеть на местном вокзале, где он подрабатывает, поднося чемоданы пассажирам».

Из тягостных раздумий его вывел голос художника:

– Мне бы бутылочку пивка. Сушит что то.

– Пивка? – удивленно переспросил Николай. – А как на счет сухого французского?

– У вас есть? – обрадовался Шура, но увидев взгляд Николая, замолчал. Они подъехали к многоэтажному зданию

гостиницы «Европа».

Николай еще раз окинул взглядом своего нового «друга». «Да ладно – будь, что будет. Не выгонят же постояльца, да и деньги уже уплачены».

Миловидная девушка на ресепшене, оформляющая поселение, взглянула на прибывшего и улыбнулась: – Наслышаны, слышаны. Французы в городе? Как выставка называется? «Французские тайны»? Ну, зайдем, посмотрим. Не каждый день в город такие французы приезжают. Ваш номер-люкс, седьмой этаж, комната 718. В минибаре все краски для гостя подобраны.

Николай кинул на нее недовольный взгляд: «Ну и утро», – подумал он.

XXXX

Кому не хотелось хоть раз в жизни проснуться, выглянуть в окно, а из окна открывается самый известный и красивый вид на главную парижскую достопримечательность – Эйфелеву башню.

Шура не мог поверить, что в 30 лет он окажется в сердце европейской культуры, и что именно из вот этой маленькой мастерской он увидит мечту миллионов его сверстников. А все почему? Просто он волею судьбы оказался в нужное время в нужном месте.

Шура в мельчайших подробностях помнил тот вечер в родном городе. Он уже заканчивал писать закат уходящего за горизонт летнего солнца, как вдруг пошел дождь. Он был не особо сильным, но мелкие дождевики капали на мольберт, на холст, попадали в пластиковый стакан с недопитым вином. Оглянувшись по сторонам, Шура увидел небольшой навес стоящего рядом продуктового киоска. Он торопливо допил вино и стал переносить нехитрые пожитки художника в новое место. Там он снова взял кисть,

чтобы продолжить работу, как вдруг услышал за спиной женский голос: – Шарман!

Шура хотел уже было возмутиться, так как терпеть не мог, когда кто-то комментировал его работу. Он обернулся и увидел пожилую пару. Мужчина на ломаном русском перевел: – Моя женщина говорит «Прелестно». Ей нравится этот картина. Сколько вы хотите за нее?

Шура вначале растерялся, но почувствовав, что сама удача плывет в его руки, так как живых денег он не видел уже дней десять, все же выдал как можно более равнодушным тоном:

– Я не продаю свои работы. – И увидев разочарование на лице женщины, которой перевели сказанное, он быстро добавил, – как правило, не продаю. Я готовлю свою персональную выставку. Знаете, много предложений и я не успеваю. Видите, приходится работать даже под дождем.

Мужчина что-то сказал своей спутнице, а снова обратился к художнику:

– Ее впечатлил закат. Она знает толк в живописи. Ее родной брат был художником, и в Париже осталась маленькая мастерская, где он писал свои картины.

Шура, услышав слово «Париж», чуть не рухнул на мостовую. Его сердце забилось, а рука потянулась к стоящему под ногами рюкзаку, где была спрятана недопитая бутылка вина. Но он вовремя спохватился. Внутренний голос, хоть и дрожал, но подсказывал ему, что нужно принять какое-то нестандартное решение. И он его принял.

– Переведите, – он на секунду задумался, – женщине, что Решка своих работ не продает, – снова пауза, – в этой стране. Но для нее, – он легким движением указал на стоящую женщину кисточкой, – я делаю исключение. Более того, зная толк не только в живописи, но и в натурщицах, то есть в женщинах, слово натурщицы можете не переводить,

я дарю эту работу! Прямо так, с барского, вернее сказать, от всего, так сказать, сердца.

Мужчина что-то долго переводил удивленной женщине, затем уточнил:

– Но она знает, что такие картины стоят дорого. Вы такой щедрый. Наверное, вы очень богатый художник.

«Вот стерва старая, – подумал Шура, – она, наверное, издевается надо мной. Я жрать, как собака хочу, вина хорошего не пил лет пять, а она «вы наверное богатый художник».

Но он нашел в себе силы и выдавил улыбку:

– Что правда, то правда: барина и в лаптях видно. Вы переведите, что я заменяю богатство проворством своих рук и восхищением почитателей своего таланта.

Шура и сам не понял, что он сказал, но ему показалось, что он выдал гениальную мысль. Мужчина вынул из кармана несколько купюр достоинством 100 евро:

– Мадам говорит, что это не повредит вашему богатству. И еще. Она тронута вашей щедростью и просила подумать и перезвонить ей в течение трех дней, пока мы будем в вашем городе, не захотите ли вы поехать на 2-3 недели в Париж, поработать в мастерской ее брата. Возможно, она сможет организовать даже выставку в небольшой галерее.

У Шуры потемнело в глазах. Он хотел заорать на всю улицу: «Да, я хочу, я мечтаю поехать в Париж, но у меня нет денег!!!». И все же он с достоинством произнес:

– Я подумаю, посмотрю контракты. Ну, короче, если я решусь, то обязательно дам знать.

XXXX

И вот он в Париже. Шура стоял на маленьком балкончике, откуда открывался шикарный вид на парижскую архитектуру и размышлял: «Ну, так что же такое Париж и почему он манит, притягивает, завораживает? Ты должен

пропитаться всем этим, чтобы вкусив этот плод, доказать всем, что из себя представляет Саша Решка».

Вдруг он услышал женские голоса из мастерской. Шура вошел внутрь и увидел свою старую знакомую. Старую в прямом и переносном смысле.

Рядом стояла невысокого роста молодая девушка. Он как профессиональный художник сразу оценил ее красоту: черты лица сочетали в себе нежную девичью миловидность и строгую деловитость серьезной бизнес-леди. Завершали картину роскошные волосы, которые ниспадали на плечи. Его поразили ее узкие глаза. Это были глаза восточной красавицы. Он мысленно окрестил ее «татаро-монголочкой». Из раздумий его вывел произнесенный на русском языке вопрос девушки:

– Луиза спрашивает, как вы устроились? Нравиться ли вам мастерская?

– О, да, да! Скажите, мне все нравится. Я хочу приступить к работе прямо сейчас и написать несколько пейзажей вот с этого балкона. И, если можно, я хотел бы оставаться здесь спать.

Увидев удивление в глазах хозяйки, добавил: – Мне надо много работать.

Девушка исправно перевела.

– Ну, если это вас не стеснит, то оставайтесь здесь. Да, и я хотела бы представиться: меня зовут Джин-Хо, меня попросили помогать вам, когда вы захотите сделать экскурсию по городу или вам нужно будет рисовать какие-то достопримечательности Парижа. Не удивляйтесь моему знанию русского. Мои родственники – эмигранты из Северной Кореи, а сама я училась в России.

– Так вы – корейка?! – удивлению его не было предела.

– Нет, корейка – это мясо, а я – кореянка, но теперь скорее француженка, так как родилась в Париже.

«Наверное, я ляпнул что-то не то, лишь бы она не обиделась за корейку», – подумал Шура, но девушка, казалось, уже забыла о его оплошности. Она протянула художнику визитку:

– Звоните, только если можно заранее. Я вожу экскурсии и подрабатываю переводчиком, поэтому могу быть занята.

Молчавшая все это время Луиза что-то снова сказала по-французски. Джин-Хо перевела, обращаясь к художнику:

– Вам привезут все необходимое – краски и холсты. Деньги на первое время вам дали, кафе внизу в доме напротив, так что Луиза желает вам плодотворной работы. Да, и еще! Она говорит, что ее брат любил пропустить стаканчик-другой красного французского вина, когда работал над картинами. Как вы к этому отнесетесь?

Шура хотел броситься в ноги благодетельнице, и уже было сделал шаг, но что-то снова, как когда-то, его остановило. И он с достоинством ответил:

– Вы останетесь довольны моей работой. А пару...– он осекся и уже уверенно закончил фразу, – пару ящичков хорошего французского вина мне не помешает.

Когда все ушли, Шура запрыгнул на стоящий в углу диван и стал скакать на нем как ребенок, получивший долгожданный подарок от Деда Мороза. Он вспомнил слова Высоцкого:

Мои друзья теперь и Пьер, и Жан,
И вот плевал я с Эйфелевой башни
На головы беспечных парижан!

С этой минуты время полетело, словно вода из шланга. Шура не помнил, когда так рьяно работал: он забыл о еде, а спать ложился, когда за окном наступала глубокая ночь. Он падал прямо в одежде, забывая раздеться. А утром, как

только первые лучи солнца касались его небритого лица, он снова брался за работу.

Картины менялись, не повторяясь сюжетом, одна за другой. Он вспомнил, что есть люди, только когда вытащил последнюю бутылку вина из последнего ящика. Почти по ящику в день! «Ого! Ну, я и дал!» Он посмотрел на себя в зеркало – там был не он! За три дня его лицо заросло щетиной, глаза опухли, а на голове торчали волосы, не видевшие за эти дни не шампуня, не расчески. Он хотел было пройти в душ, и уже стал снимать рубашку, как вдруг в дверь постучали. Он, не спрашивая, открыл внутренний замок. На пороге стояла миловидная кореянка и смущенно улыбалась.

– Здравствуйте, – проговорила она.– Луиза послала меня узнать, как идут дела и не надо ли чего-нибудь.

Шура только сейчас осознал, что за эти дни он превратился в Робинзона Крузе и напрочь забыл человеческую речь. Нет, он еще понимал, что произнесла девушка, а вот ответить сразу не смог.

– Э-э-э, – только и вырвалось с его груди.

И он не нашел ничего другого, как пальцем показать на разбросанные по комнате холсты.

– Ого! Сколько их, – удивилась девушка.

Пока она рассматривала картины, Шура попытался пригладить рукой шевелюру, но, увы, это ему не удалось. Он с трудом смог выдать:

– Это, я... Короче, мне... Я пойду, – и он указал на дверь душевой.

Здесь он скинул с себя одежду и, разместившись напротив зеркала, стал сбривать выросшую щетину. Покончив с этим, он зашел в душевую кабинку и открыл воду. «Какое блаженство! Вода! Какой же я идиот! – вода бежала по телу, возвращая его к нормальной жизни. – Оказывается, бодрит не только вино», – сделал он открытие. Через не-

сколько минут он вышел в комнату тщательно причесанным, одетым в спортивный костюм.

Но тут он столкнулся с новой проблемой: он никак не мог вспомнить имя девушки. Что-то связанное с алкоголем. «Ром? Нет, нет. Виски? Снова не то. Текила, – обрадовался Шура, но тут же осекся. – Дурак, какая Текила. Джин, ее зовут Джин, а вот как дальше?»

– Джин, – обратился он к девушке. – Вам правда нравятся мои картины?

Девушка, перед тем как ответить на его вопрос поправила:

– Джин-Хо. Именно так называли меня родители, что означает «драгоценное озеро». Но вы можете называть меня Дина. Именно так меня звали в университете. Да, мне нравится то, что вам удалось написать, глядя с этого маленького балкона. Я предлагаю завтра пойти на прогулку по городу и, если захотите, вы сможете работать и писать непосредственно с природы то, что вам понравится. К концу недели Луиза хочет прийти сюда сама и посмотреть. Ну, как, Вы готовы на завтрашний день?

Шуре все больше и больше нравилось это маленькое хрупкое создание. Ее красота так подействовала на него, что он, неожиданно от себя, произнес:

– А давайте я вас прямо сейчас нарисую. Ну, вот на диване.

Он взял ее за руку.

– Меня? – Джин-Хо выдернула ладонь. – Но я вас вижу всего второй раз, а вы мне предлагаете позировать? Я понимаю, что вы, художники, наверное все такие, но мои нравы не позволяют мне раздеваться перед незнакомым мужчиной, пусть он будет хоть трижды художником.

– А зачем раздеваться? – удивился Шура. – Я хотел просто написать ваш портрет.

– На диване? – переспросила девушка.

– Ну, я просто подумал, что вам удобней будет расположиться именно на диване, как раз напротив мольберта. А написать вас обнаженной я тоже не против, но это займет много времени.

Девушка улыбнулась, поняв свою оплошность.

– Хорошо, как-то в другой раз напишите. – И добавила: – Портрет, я имею ввиду.

Утром они гуляли по городу. Шура восхищался видами Парижа, Джин-хо, как увлеченный экскурсовод, рассказывала ему о достопримечательностях этого удивительного города.

– А вы знаете, – обратилась она к нему, – сейчас уже никто не может представить Париж без Эйфелевой башни, и большинство парижан если и не полюбили ее, то, во всяком случае, сумели с ней смириться. Но так было далеко не всегда — после постройки она вызывала сильное недовольство у подавляющего большинства горожан. Например, Гюго и Мопассан настаивали на том, что башню следует убрать с улиц Парижа. Доподлинно известно, что поэт Уильям Моррис, который, кстати, не был парижанином, постоянно выражал свое неудовольствие ее видом. И объяснял свою привычку обедать в ресторане на башне тем, что это единственное место в городе, откуда ее не видно.

Вскоре Шура не выдержал и, разложив мольберт на пешеходном Мосту Искусств, стал делать небольшие зарисовки-этюды, чтобы уже в мастерской на холстах передать всю неопишную красоту сооружения, соединяющего Французскую академию с Дворцом Искусств – Лувром.

XXXX

Они вошли в «люкс», заказанный для «француза». Здесь не было особой роскоши, но само убранство ни-

как не гармонировало с внешним видом художника. Николай решил в конце концов взять ситуацию в свои руки. Назад дороги нет, поэтому нужно как-то выходить с той ситуации, в которой он по своей доверчивости оказался.

– Шура, вы бы с дороги помылись и переоделись. Ведь нам через час предстоит встреча с журналисткой, которая будет брать у вас развернутое интервью.

– Переодеться? – удивленно переспросил художник. – А зачем. У меня вроде и так все нормально.

– А-а! Это вы на счет нескольких пятен от краски на брюках? – все-таки догадался он.

– Несколько, – зло переспросил Николай. – Ты себя в зеркале видел? – взорвался он, переходя на «ты». – Интеллигент в третьем поколении! Посмотри на рубашку! Как я смогу тебя завтра перед публикой показать?! Ну, что ты брови насопил? Что, несправедливо говорю?

Последовавшую реакцию он никак не ожидал. Художник вскочил на стул, подкатил к потолку глаза и стал читать:

Месяц черные брови насопил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?

Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!

Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка

Успокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-иному

Я уйду, исцеленный навек,

Слушать песни дождей и черемух,

Чем здоровый живет человек.

«А он далеко не дурак» – только успел подумать Николай, как художник соскочил со стула и торжественно произнес:

– Стихи моего друга Сереги! Жаль, помер давно. Почти 90 лет назад. Да не шумите вы так, Николай, простирну я рубашку и брюки, лишь бы сердце стучало в груди.

Николай махнул рукой.

– Ладно, пошли, друг Есенина. А то тебя акула заждалась.

– Кто заждался? – пришел в себя любитель поэзии.

– Акула пера ждет тебя. Будешь ей стихи читать, жертва Парижа!

XXXX

Шура задремал на диване, как вдруг прозвеневший звонок заставил его от неожиданности вскочить. После вчерашнего обильного возлияния голова раскалывалась и трещала, как переспевший арбуз. Он с трудом дотянулся до телефона. Звонила Джин-Хо. Тут он вспомнил, как вчера выпив для храбрости, стал объясняться ей в любви. Как стоя на коленях, читал стихи и предлагал выйти за него замуж. Ему стало не по себе. А если она пожаловалась Луизе и его вышвырнут из мастерской без гонорара? Он робко ответил на приветствие. Он хотел было извиниться, но она перебила его.

– Я же говорила, что училась в России и для меня пьяные мужчины не новость.

– Но я не из России, я из...

Но Джин-Хо снова перебила его.

– Знаешь, мне никто в жизни не читал стихи так, как ты, стоя на коленях. Да, мне вообще стихи не посвящали. Ты – первый. Я не могла уснуть. Знаешь, ты мне тоже понравился, ты такой талант. Твое восхищение моими глазами так трогательно! Ты говорил правду мне? Я тебе нравлюсь?

– Да, да, ты мне очень понравилась, как только я увидел тебя в первый раз. Тем более я всю жизнь мечтал встретить француженку.

– Но я же говорила, что я кореянка.

– Да какая к черту разница – главное, что я тебя встретил здесь.

Они еще долго говорили, как вдруг Джин-Хо спохватилась:

– Ой! Я потеряла голову и совсем забыла! Луиза же с мужем завтра хотят прийти посмотреть, что ты написал за эти дни. Заканчивается срок твоего пребывания, и она хотела бы отобрать работы на выставку, произвести расчет.

Она замолчала, затем, видимо собравшись с духом, добавила:

– Ты бы убрал немного в мастерской. Я знаю, как она трепетно относится к месту, где творил ее брат. А сейчас у тебя бутылок гора, кучи мусора, тряпки с краской. Сам знаешь, что и где. Короче, завтра к десяти мы будем. Жди. Пока, до встречи.

И она положила трубку. Шура оглянулся по сторонам и ужаснулся. Как он не замечал то, как его пребывание изменило мастерскую. Хорошо, что предупредила заранее. А то бы получил он расчет под зад ногой. Он принялся убирать, наводить порядок. Затем стал выставлять оконченные работы на мольберт, критически просматривая их и оставляя где надо последние штрихи. Ну, вот вроде и все! Он принялся за новую работу.

XXXX

Корреспондент газеты «Вторая городская» ходила по залу, рассматривала картины и восторженно восклицала:

– Ой, как здорово! Это вы все сами придумали? А вот эта девушка, вот в центре с сигаретой, правда, на меня чем-то похожа? Ой, только у нее шесть пальцев, по-моему, или даже семь.

Она присмотрелась.

– А, я догадалась, это же кисточки, а я думала пальцы.

Шура взглянул на нее пристальным взглядом.

– Правда, нравится? «В мастерской художника» называется.

– А вот эта с козлом, как называется?

– Весна.

– Ой, как здорово, ни за чтобы не догадалась. А мужчина в черной шляпе на всех картинах это точно вы? Правда? И с козлом тоже!

Художник не успевал ответить на один вопрос, а корреспондент задавала следующий.

– Ну, расскажите, как там в Париже?

Она закрыла глаза и томно прошептала:

– Я опять хочу в Париж.

– А, что, вы там уже были? – восторженно воскликнул художник.

– Нет, я просто однажды уже хотела! Ха-ха, – засмеялась она. – Это такой анекдот есть!

– А можно полюбопытствовать у вас, что или кто является вашим источником вдохновения? – задала она очередной вопрос и включила диктофон.

Шура посмотрел ей в глаза и с интригой в голосе ответил:

– А можно об источниках мы поговорим с вами позже, за бокалом вина?

Корреспондент снова захихикала:

– Ой, что прямо так сразу и в ресторан?

– Ну, на ресторан у меня точно вдохновения не хватит, – заулыбался художник, – а вот в таверну забрести мы сможем.

Я с вами в таверну зайду

И выпью портвейна бокал.

В вас вдохновенье найду,

Такой уж я, Решка, нахал.

– Так вы еще и поэт? – восхитилась девушка.

– Когда со мною рядом муза,

Превращаюсь я в француза!

– Пойдите здесь, я через минуту буду, – заговорщицки сообщил Шура. Он выскочил из зала и поднялся наверх в комнату, где за столом сидел владелец галереи.

– Ну, что всё? Интервью окончено? – поинтересовался он у художника.

– Нет, нет, мы еще не начинали, – вкрадчиво заговорил художник. – Короче, не могли бы вы мне дать маленький аванс, чтобы мы смогли продолжить наше интервью.

– Что, корреспондент попросила денег? – не понял Николай.

– Да, нет же, нет! Она попросила меня разговориться, а я без вина ну никак. У меня это еще с детства осталось.

– Что с детства? Без вина не можешь слова сказать?

– Нет, нет, – поняв, что сказал ерунду, отмахнулся художник. – Это у меня с детства осталось, что не люблю на вопросы отвечать. Комплекс.

– А, ну, раз это у вас с детства еще осталось, тогда конечно, – Николай вытянул купюру и протянул художнику.

– Репетэ, силь ву пле, – выпалил Шура.

– Чего? – не понял Николай. – Какая силь?

– Я сказал «Повторите, пожалуйста».

– Слушай, ты начинаешь меня доставать и злить. Сейчас и это заберу! Это тебя во Франции такому учили? Я имею ввиду, не работая, аванс требовать?

– Ну, тогда, пардон. Я должен вас покинуть.

– Знаешь, что, ловелас, иди и помни: если взялся за гуж, не забудь сходить в душ. Что в переводе для непо-

нятливых означает: что б завтра был, как огурчик, причесанный и побритый. И на, я тут тебе рубашку прикупил. Это далеко не французский бренд, но для такого гуся, как ты, и рак – рыба. А то завтра на открытии выставки от стыда сгорю.

XXXX

Точно в назначенное время, все трое были в мастерской. Луиза протянула руку художнику:

– Бонжур, Шура! Монтрэ муа сэля, сіль ву пле.

Джин-Хо принялась переводить:

– Луиза просит, что бы вы показали это, – она указала на картины, – имеются ввиду картины, и прокомментировали. Ей не все понятно в вашем творчестве. Лично ей нравится ваши картины, манера написания, но муж в некотором сомнении, понравиться ли это французской публике.

– Это понравиться любой публике, – с пафосом ответил художник. – Я учился почти десять лет, вначале – в училище, затем – в институте. У меня десяток выставок в самых престижных галереях. Мои работы находятся в частных коллекциях у многих коллекционеров. В конце концов, я потомственный художник. Мои родители – художники.

Хозяйка квартиры почувствовала обиду в его голосе и решила смягчить ситуацию.

– Луиза повторила, что лично ей нравятся ваши работы, и она некоторые хочет оставить себе, а часть продать, чтобы возместить расходы. Жизнь в Париже дорогая и затраты на ваш приезд немалые. Французы знают толк в деньгах.

Теперь уже заволновался сам художник, вспомнив, что это он в гостях и что ему хотелось бы получить какой-то гонорар за свою работу. Он кротно произнес:

– Эક્скюзэ муа.

– О, вы уже научились говорить по-французски?

Она стала пересматривать работы, затем пересчитала их: – Эн, Дё, Труа Сэнкант. О! Трэ бьен!

И повернувшись к мужу, что-то эмоционально ему сказала.

– Что, что она сказала? – переспросил художник.

Джин-Хо улыбнулась:

– Да не нервничай так, а то горишь весь. Она удивлена: пятьдесят работ за две недели. А мужу она сказала, что окупиться с головой и назвала сумму, которую хочет дать тебе в качестве гонорара.

– Сколько, сколько она сказала?

– Извини, милый, но я не могу переводить то, что не предназначено твоим ушам. Я и так сказала тебе лишнее. Она просила только сказать тебе, что билет на самолет уже взят и через два дня у тебя вылет. Машину за тобой пришлют, а я должна проводить тебя.

Через несколько минут вся троица покинула мастерскую.

XXXX

В кафе, расположенном в одном из подвалов в самом центре города, было тихо и уютно. Людей почти не было. Тихо играла музыка. На столе догорала уже вторая свеча. От выпитого вина и от атмосферы интимности очаровательная спутница слегка покраснелась, а художник время от времени, поднимая очередную рюмку с водкой, не уставал говорить:

– Ты знаешь, почему Шура сегодня изменил своим привычкам и пьет водку? – его язык уже слегка заплетался. – Назло! Этот умник, ваш галерист, меня достал. Француз ему, видите ли, не нравится! Да возле меня сам Афанасий волчком крутится, когда я к нему приезжаю. Вино из загаш-

ника ведрами достает. А он знаешь кто, Афанасий? Столичный галерист, а это так, периферия. Я сюда, знаешь, чего согласился приехать? С тобой встретиться!

– Так ты ж женат, – возразила спутница.

– У художника нет жены, когда он на выезде. – И продекламировал:

Поцелую, прижмусь к тебе телом

И, как друга, введу тебя в дом...

Да, мне нравилась девушка в белом,

Но теперь я люблю в голубом.

– Знаешь, чьи стихи? Друга моего, Сереги.

– А жена кто у тебя? Тоже художник?

Шура рассмеялся.

– У меня жена француженка. Во! Мечта моей жизни. Глаза, правда, узкие. Но я когда пьяный и матерюсь, она их так широко раскрывает и говорит: не пей милый, хватит тебе, рожа косая! Это у меня рожа косая? Да Шура почти двадцать дней дышал шанелью номер 5! Достали меня все. Не ценят! Ты вот смотришь на меня и думаешь – алкаш нажрался!

Он снова стал читать:

Ну как поэту без вина,

Ну как художнику без кисти?

И сразу замолчал: дальше не придумал еще.

– Давай выпьем за тебя! Хочешь, я тебя нарисую.

Девушка встrepенулась.

– Прямо здесь? На салфетке?

– На кушетке, – засмеялся Шура. – В номере. У меня мольберт и краски есть. К утру будет все готово.

Девушка рассмеялась.

– Ага, и приложу картину к твоему интервью. Думаю редактору понравиться, и это будет мое последнее интер-

вью! А еще вывесим завтра на выставке. Внизу так и подпишем «Последнее интервью».

XXXX

Восторженная публика с бокалами вина чувствовала себя частицей парижского бомонда. Сам виновник торжества медленно передвигался по залу, утопая в лучах вспышек фотоаппаратов. Телеоператоры, чтоб не пропустить момент, двигаясь с камерой за художником по залу. Все щęki Шуры были в отпечатках губной помады. «Француз» наслаждался всеобщим вниманием.

А Николай, стоя в окружении постоянных посетителей – ценителей живописи, пытался объяснить стиль, в котором работает маэстро.

– Вы не представляете, как сложно было договориться о его приезде в наш городок. Все расписано на 5-7 лет. Пекин, Вена Лондон. Он нарасхват. Не успевает брюки с рубашкой сменить – все в поездках, выставках. Мне, чтобы уговорить выставить эти шедевры, пришлось выложить немалую сумму.

– А продает ли художник картины, можно ли приобрести те, что экспонируются на выставке и сколько стоят небольшие полотна, – засыпал вопросами один из ценителей.

– Увы, художник, к сожалению, своих работ не продает. По условию контракта с Art Gallery «Painting Shop», все работы он обязан продать галерее. А если говорить о цене, то даже в наше кризисное время, небольшие полотна этого мастера стоят не менее 2-3-х тысяч евро.

– Сколько, сколько? – прозвучало в ответ. – Евро?

– А что, друзья, талант не пропьешь! Он или есть или его нет! Это выдающийся художник современности. Да вы и сами видите, кто это!

И, отвернувшись, тихо добавил:

– Жертва Парижа.

Николай Цуканов

ЖЕРТВА ПАРИЖА